

ВЛАДИМИР МАТУСЕВИЧ,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины

Социальный институт: функция, генезис, структура

Abstract

The article deals with definition of “social institution” as a unity of its genetic, functional and structural characteristics. There are discussed pre-conditions and determinants of social regulation being an attributive feature of institutions, its normative and organizational elements, comparative analysis of legal and moral kinds of social institutions.

Понятие “социальный институт” принадлежит к научным терминам, не имеющим междисциплинарных границ и широко использующимся почти во всех областях обществоведения. Не является исключением и социология. Однако несмотря на значительный эвристический потенциал этого термина его применение в социологических исследованиях вызывает немалые трудности и недоразумения. Прежде всего это связано с тем, что предметное поле понятия “институт” в социологии — в отличие от экономики или права, где его содержание в основном ограничивается совокупностью норм или правил — охватывает весьма широкий диапазон общественных образований. Отражением такого положения дел является немалое количество определений, согласно которым к институтам могут быть отнесены совершенно разные по содержанию и назначению социальные явления.

Рассмотрев наиболее распространенные из этих определений, польский социолог М.Маликовский выделил пять типов дефиниций. Первый тип, условно названный им “бихевиористским”, охватывает определения, в которых институт трактуется как устоявшийся, организованный способ действия, регулярно воспроизводящийся в повседневной жизнедеятельности людей (Р.Макивер, Р.Бершtedт, П.Рыбицкий).

Второй тип, в отличие от предыдущего, где критериями типологии выступают само действие и его признаки, акцентирует внимание на средствах организации действия: образцах и правилах поведения (У.Томас, Ф.Знанецкий). Некоторые уточнения в подобный тип определений вносит Т.Парсонс, сосредоточиваясь на тех образцах, которые в обществе считаются должными, законными, ожидаемыми, то есть получившими нормативный статус. Близко к приведенному и определение Т.Ньюкомба. По его мнению, институт — это не любые образцы поведения, а лишь те, которые концентрируются вокруг основных признаваемых обществом ценностей. С этими дополнениями, рассмотренный тип определений получил название аксиологически-нормативного.

Отнесенные к третьему типу дефиниции очерчивают институт как социальную роль, крайне важную для существования общности. В какой-то степени определения данного типа можно считать синтезом двух рассмотренных ранее, поскольку последние концентрируются на содержании деятельности и средствах ее регулирования, являющихся неотъемлемыми составляющими социальной роли и фиксирующихся в терминах “играть роль” и “ролевые ожидания”. Вместе с тем, определения третьего типа несколько шире предыдущих, поскольку кроме уже рассмотренных характеристик социальной роли учитывают и такой ее неотъемлемый признак, как направленность на выполнение определенных социальных функций. Исходя из этого, данный тип определений справедливо называют функциональным.

Определения, отнесенные к четвертому типу, трактуют институт как формальную организацию в том смысле, в котором ее понимают в теории организаций и управления, а также в социологии организаций. Общим для таких определений является толкование института как объединения (группы) людей, призванных реализовать более или менее четко очерченные цели и обеспеченных для этого необходимыми средствами. Принимая во внимание схожесть такого понимания института с понятием формальной организации, данный тип определений получил название организационного.

Что касается пятого типа дефиниций, то здесь главным критерием типологии выбрано происхождение институтов, которые определяют как общественные образования, вызванные к жизни и санкционированные государством, обеспечиваемые им необходимыми средствами, в том числе нормативными. Такие образования — государственные учреждения, назначение которых — воплощение в общественную практику нормативных (правовых) требований, поддержка их от лица государства, осуществление контроля за их соблюдением и, если необходимо, применение соответствующих санкций. Этот способ определения института, по мнению М.Маликовского, можно назвать правовым, поскольку в данном случае статус, средства и цель деятельности института определяются и закрепляются правом [1].

Приведенные выше определения, как видим, заметно различаются между собой как по содержанию, так и по теоретико-методологическим ориентациям, в контексте которых они формулировались. В первом типе дефиниций просматривается ориентация на бихевиористскую традицию, на основе понятийного аппарата которой и дается определение института. Во втором типе преобладают идеи и понятия ценностно-нормативного подхода, соответственно определяются и признаки институциональности. Аналогичные выводы можно сделать и относительно других типов. Так, теоретическим

фундаментом третьего типа определений, вне всяких сомнений, выступает ролевая теория, а четвертого — теория организаций. Пятый тип несколько отличается от предыдущих. Опираясь преимущественно на правовую интерпретацию происхождения институтов, данные определения вызывают некоторые трудности в плане их социологической идентификации, чем и объясняется выбранное по формальному признаку название правового.

Принимая во внимание различия рассмотренных типов определений, не в последнюю очередь обусловленные многообразием теоретико-методологических оснований, оценка их по шкале “истинное–ложное” представляется некорректной. Каждый из них отражает свой “срез”, аспект института как общественного образования, фиксируя его в тех формах проявления, которые составляют предмет или иного направления исследований, а потому воспринимаются, анализируются и описываются в соответствующих этому направлению терминах. Вместе с тем, отдавая должное выделенным М.Маликовским типам дефиниций и признавая их эвристическую ценность, следует отметить и присущую им ограниченность. Прежде всего это проявляется в свойственной им фрагментарности, поскольку каждый из них акцентирует внимание либо на структуре института (1-й и 2-й типы), либо на его функциях (3-й и 4-й), либо на его генезисе (5-й), не обеспечивая тем самым полного и целостного освещения [1, с. 140]. Чтобы избежать этого, М.Маликовский, учитывая наработки Р.Хенсона относительно понимания института [2, с. 64], предложил комплексный подход к его определению, а именно построение дефиниции, которая одновременно была бы и генетической, и структурной, и функциональной.

Согласно очерченным выше требованиям, институт определяется как “целенаправленно организованное или спонтанно сформированное общественное образование, наделенное материальными и нематериальными средствами деятельности, опираясь на которые оно выполняет специальные действия, обеспечивающие интеграцию человеческих усилий, регуляцию поведения и удовлетворение определенных общественных потребностей” [1, с. 140].

Приведенная дефиниция М.Маликовского, по нашему мнению, недостаточно полно отвечает задекларированным требованиям, реализуя их скорее по форме, нежели по сути. В частности, генетическая характеристика акцентирует внимание только на способах возникновения (создания) института, однако не раскрывает обстоятельств, которые обуславливают эту необходимость. В итоге связь между генезисом и функцией института выпадает из поля зрения автора дефиниции, а связь между функцией и структурой фиксируется как однонаправленная — от структуры к функции, хотя в генезисе эта связь обратная, то есть необходимая функция определяет нужную для ее реализации структуру, а уже потом структура реализует функцию. Следует отметить и некоторую несогласованность в отдельных характеристиках, например отнесение к функциям института интеграции человеческих усилий, регулирования поведения, с одной стороны, и обеспечения удовлетворения общественных потребностей — с другой. К тому же характеристики выглядят весьма абстрактными по сравнению с рассмотренными ранее типами определений. Это усложняет их эмпирическую интерпретацию и операционализацию, а в конечном счете и корректное применение этой дефиниции в социологических исследованиях.

Учитывая сказанное, комплексное определение института, как нам представляется, должно предполагать не столько последовательное описание его различных признаков, сколько воспроизводство их взаимосвязей, благодаря чему отдельные характеристики института интегрируются в целостное его восприятие. Лишь такое отображение будет более или менее приближенным к реальности, а значит, сможет служить эффективным средством познания.

Исходным пунктом решения этой задачи должен быть анализ функций института, ведь именно в них он, как всякое общественное образование, проявляет себя в социальной реальности, является непосредственно данным для наблюдения и исследования.

В многообразии функций, приписываемых институту, можно выделить как минимум две наиболее распространенные в дефинициях. Во-первых, речь идет о регулировании человеческой деятельности в ее разных организационных формах и общественных сферах и, во-вторых, об удовлетворении общественных потребностей. Последняя функция, как мы увидим далее, является не автономной, а скорее производной от первой, обеспечивающей условия ее реализации, и потому не может быть отнесена к сущностным признакам института.

Что касается первой функции, то ее анализ нужно начинать с уточнения содержания самого понятия “регуляция”, продолжить рассмотрением разновидностей регуляции, существующих в обществе, а завершить выяснением того, что именно, почему и при каких обстоятельствах придает регуляции статус атрибутивного признака института.

Понятие “регуляция”, “регулирование” происходит от латинского *regulo* — упорядочивать — и означает упорядочение, налаживание, приведение чего-либо в соответствие с установленными нормами, правилами [3, с. 226]. В социологии содержание этого понятия, не теряя своей сути, приобретает видовой признак и усматривается “в упорядочении и поддержании стабильности общественных отношений и действий людей в соответствии с определенными нормами, отражающими потребности общественной системы как целостного организма” [4, с. 11].

В приведенном определении в обобщенном виде очерчиваются содержание регуляции (упорядочение и поддержание стабильности), ее объект (общественные отношения и деятельность людей), средства (определенные нормы) и конечная цель (ориентация на потребности общественной системы). Каждая из этих составляющих важна и необходима для понимания регуляции, однако ее объект, пожалуй, все же имеет определенный приоритет в последовательности рассмотрения. Именно от его особенностей зависит то, каким будет характер регуляции, какие средства при этом будут востребованы, а следовательно, и тот вид, который в итоге и регуляция, и ее средства примут в контексте анализа.

Обращаясь к объекту регуляции, обратим внимание на то, что в дефиниции их два: общественные отношения и действие людей. Подчеркнем, что размежевание человеческого действия, или, иными словами, деятельности и общественных отношений, как и определение их взаимосвязи, традиционно для отечественной социологии и уходит корнями в те времена, когда общесоциологической теорией считался исторический материализм, а его философские концептуальные основания и терминология преобладали в тео-

ретических построениях социологов. Вот почему и сугубо социологическое осмысление этих явлений, их концептуальное и понятийное “обустройство” происходили преимущественно в западной социологии. Так, человеческая деятельность по традиции трактуется как социальное действие и исследуется в контексте общей теории действия.

Что касается общественных отношений, то их, по нашему мнению, следует рассматривать как социальное взаимодействие. Основанием для подобного толкования могут служить определения общественных отношений, встречающиеся в научных статьях, монографиях и, что весьма показательно, в учебных пособиях и справочной литературе и подтверждающие тем самым устоявшийся характер данных интерпретаций. К примеру, в статье “Теория общественных отношений: сущность и актуальные проблемы” Ю.Плетников отмечает: “...общественные отношения предполагают существование и момент объединения отдельных сторон — их взаимообусловленность, взаимовлияние и взаимодействие” [5, с. 23]. Аналогичным образом определяются экономические, производственные отношения. Ян Щепаньский в известной монографии “Элементарные понятия социологии” характеризует производственные отношения как систему (уклад), совокупность взаимодействий, возникающих между людьми в процессе производства [6, с. 191]. Это же можно сказать и о политических отношениях. В энциклопедическом словаре “Политология” они трактуются как “взаимодействие субъектов политики и власти, при котором происходит их объединение или разделение, передача идей, взглядов, обмен ресурсами (влиянием, информацией, знаниями и т.п.), передача волевых побуждений от одного субъекта другому” [7, с. 233].

Взаимодействие как определяющая черта общественных отношений в полной мере присуще и более специфическим их видам, например религиозным, охватывающим взаимодействие субъектов культовой и внекультовой деятельности — верующих, священнослужителей, религиозных организаций [8, с. 427].

Изложенного выше, пожалуй, достаточно, чтобы рассматривать общественные отношения как разновидность социального взаимодействия и уже в таком статусе анализировать как объект регуляции.

Теоретическим орудием исследования социального взаимодействия может служить уже упомянутая общая теория действия¹, поскольку именно категории действия и взаимодействия преимущественно определяют ее предметное поле. Подтверждая взаимосвязь этих категорий, указанное обстоятельство, однако, не отрицает существенных отличий в их характеристиках и не только по смыслу и формам проявления, но и в детерминантах, способах организации и регуляции.

¹ Основные положения общей теории действия, в контексте которых действие трактуется как основание общественных явлений, изложены Т.Парсонсом в монографии “The Structure of Social Action”, опубликованной в 1937 году. В завершённом виде, который эта теория приобрела благодаря усилиям Т.Парсонса, Э.Шилза и других ученых, она представлена в работе “Toward a General Theory of Action. Theoretical Foundation for the Social Sciences” (ed. by T. Parsons, E. Shils. — N.Y., 1965). Русский перевод этих работ содержится в: [9].

Согласно теории действия, человеческое поведение может быть обозначено термином “действие” лишь в определенных условиях: во-первых, если это поведение ориентировано на достижение целей или любого предполагаемого состояния вещей; во-вторых, если оно происходит в ситуациях; в-третьих, если оно подлежит нормативной регуляции; и, наконец, если оно непосредственно представляет собой затрату энергии или усилий, которая одновременно является более или менее организованной, то есть мотивированной [9, с. 458–459].

Интерпретируя действие как целенаправленный, ситуативно обусловленный, нормативно регулируемый процесс затрат человеческого усилий, нужно помнить, что оно является действием субъекта — актора¹, а значит, может рассматриваться как способ его бытия. Это подчеркивают и авторы теории действия, утверждая, что “актор — это эмпирическая система действия”, а “само действие — процесс изменения состояния такой эмпирической системы действия”, то есть актора [9, с. 463].

Как конкретная система действия человеческое поведение имеет несколько измерений или аспектов, в частности, психологический, культурный, социальный. Каждый из этих аспектов фиксирует, отражает свой специфический уровень детерминированности, обусловленности конкретной системы действия определенной совокупностью факторов, входящих в нее как подсистемы [9, с. 422].

Специфика психологического аспекта заключается в том, что он характеризует мотивационную ориентацию актора, фиксируя в соответствующих терминах и источник такой ориентации, и отдельные ее этапы.

Исходное положение этого направления анализа — признание существования некоторого набора потребностей. Изначально определенные физиологическими процессами, эти потребности в дальнейшем приобретают свойства, которые делают невозможной сугубо физиологическую обусловленность организации действия. Иначе говоря, направление и форма, в которых они способны детерминировать действие, могут модифицироваться под влиянием ситуации действия. Более того, сами потребности или по крайней мере обусловленное ими влияние на действие могут изменяться в процессе преобразования их в потребности–склонности. Последние отличаются от потребностей высшей степенью организации и тем, что включают мотивационные элементы, не задаваемые органическими потребностями [9, с. 425, 426].

Мотивационная обусловленность потребностей в системе действия раскрывается в контексте мотивационной ориентации. Она принадлежит к тем аспектам ориентации актора на ситуацию, которые связаны с актуальным или потенциальным удовлетворением или неудовлетворением его потребностей. Побуждая актора к активности, потребности тем самым побуждают его и к ориентации в ситуации, осуществляющейся двумя, хотя и различными, однако неотделимыми друг от друга способами. Первый — познавательный (когнитивный) — охватывает процессы, в ходе которых актор

¹ Термин “актор” происходит от английского “actor” и в понятийной схеме теории действия означает выполняющего действие, то есть его субъекта. Таким субъектом-актором может быть как индивид, так и коллектив [9, с. 463].

вычленяет из своего окружения отдельные объекты, различает и классифицирует их по признакам, актуальным и потенциальным функциям, месту в совокупности условий и обстоятельств, определяющих ситуацию действия.

Когнитивный способ ориентации предшествует ориентации катектической¹, суть которой заключается в том, что среди разных структурных элементов ситуации актер выделяет объекты, имеющие для него положительное или отрицательное значение с точки зрения удовлетворения его потребностей. В отличие от когнитивной ориентации, фиксирующей связи между отдельными объектами, между объектами и условиями их существования, катектическая ориентация отражает связь объектов с актором, его потребностями.

Когнитивное и катектическое определение ситуации не исчерпывает тех функций, которые реализует мотивационная ориентация, поскольку для организации своего поведения актер должен сделать выбор. Речь идет о том, что актер, сравнивая когнитивно и катектически определенные и доступные ему объекты с точки зрения их потенциальных возможностей удовлетворять его потребности, учитывает при этом актуальность самих потребностей, их первоочередность, значимость для его жизнедеятельности. С учетом этих обстоятельств и осуществляется окончательный выбор. Этот вид ориентации получил название оценочного и является завершенным этапом мотивационной ориентации [9, с. 467–468].

Познание, катексис, оценка и выбор — составляющие мотивационной ориентации — отражают психологический аспект ориентации актера на ситуацию, однако не раскрывают средств реализации такого рода ориентаций. К таким средствам относятся культурные эталоны, которые, в свою очередь, делятся на три класса в зависимости от их места и роли в мотивационной ориентации. Это, во-первых, представления, понятия, системы идей или верований, благодаря которым происходит восприятие ситуации, распознавание ее отдельных элементов и связей между ними; во-вторых, экспрессивные символы или их совокупности, обеспечивающие катектическое определение ситуации, идентификацию ее объектов в форме как отдельных чувств, переживаний, так и их системных образований, например в форме предпочтений и художественных вкусов; в-третьих, эталоны, играющие роль критериев оценки при выборе объектов, средств и способов действия [9, с. 423, 445].

Как видим, каждый из рассмотренных видов культурных эталонов выполняет специфическую, лишь ему присущую функцию в отражении ситуации действия. Интеграция этих отдельных отражений в целостную картину происходит благодаря потребностям, которые в этом процессе играют роль не только источника активности, но и системообразующего фактора, поскольку именно потребности определяют “точку зрения” актера на ситуацию, катектическое восприятие и избирательное отношение к ее элементам. В свою очередь, потребности в зависимости от особенностей ситуации и культурных эталонов приобретают в процессе мотивационной ориентации культурную и ситуативную определенность, трансформируясь в итоге в

¹ Катектическую ориентацию определяет катексис — состояние эйфории или дисфории, переживаемое субъектом по отношению к объекту [9, с. 419, 427].

цели деятельности. Благодаря этому обстоятельству ситуация действия приобретает, по сравнению с упомянутой ранее, несколько новый, так сказать, телеологический вид. Основными ее элементами выступают: цели, условия и средства реализации целей; нормативные образования, регламентирующие соотношения элементов действия, их подчинение целям [9, с. 273].

Определяющим элементом приведенной структуры, безусловно, является цель. Представляя собой предполагаемое актором будущее положение дел, она задает критерии структуризации ситуации, в частности выделение в ней двух типов элементов: тех, которые актер не может контролировать, чтобы, например, предотвратить их негативное влияние на процесс реализации цели, и тех, которые подвластны его влиянию, управляемы и используются им. Для обозначения первых употребляют термин “условия”, для вторых — “средства” [9, с. 95].

В отличие от цели, структурирующей ситуацию действия, норма структурирует само действие. Регламентируя связь цели и средств, нормы одновременно служат эталонами, с которыми согласовывается действие, поскольку оно объединяет элементы ситуации в единое целое, превращая его в процесс реализации цели. Нормативная регламентация действия, отражая объективные связи элементов действия и, следовательно, будучи в этом смысле независимой от актора, вместе с тем подчинена ему как субъекту действия. Речь идет, во-первых, о том, что связь цели и средств является поливариантной, то есть одна цель может быть реализована с помощью разных средств. Ориентируясь в ситуации, актер-субъект, руководствуясь принципом рациональности, выбирает те из них, которые в наибольшей мере будут способствовать реализации цели [9, с.110–113]. Выбирая средства, он одновременно выбирает и тип связи этих средств с целью, а тем самым и норму, которая эту связь репрезентирует и регламентирует¹. Во-вторых, определившись относительно цели, средств и нормы действия, актер выступает его субъектом, осуществляя его по собственному желанию, а не по внешнему принуждению. И наконец, в-третьих, регуляция действия — приведение его в соответствие с нормой — осуществляется самим субъектом. Здесь не возникает необходимости во внешнем контроле и внешней регуляции, поскольку сам субъект больше, чем кто-либо, заинтересован в результативности действия.

Исходя из изложенного выше, действие можно охарактеризовать как:

- основанное на потребностях субъекта-актера;
- определяемое и структурируемое согласно мотивационной ориентации субъекта в ситуации действия;
- по своему содержанию являющееся процессом реализации цели;
- регулируемое самим субъектом действия.

Следует заметить, что репрезентированная таким образом система действия не учитывает социального аспекта действия — общественного контекста, в котором она осуществляется. Имеется в виду ситуация, когда актер, направляя свою активность на достижение цели, убеждается, что ее

¹ Такие нормы иногда называют “техническими” или “технологическими” в связи с тем, что они регулируют не отношения между людьми как социальными субъектами, а деятельность человека по использованию орудия труда, средств реализации цели [4, с. 42, 45].

реализация зависит от другого актора (который, кстати, находится в аналогичной ситуации) и тем самым требует их взаимодействия по этому поводу. К таким взаимодействиям относятся отношения между арендатором и арендодателем, обладающим нужными арендатору средствами производства, между гражданином как налогоплательщиком и представителем власти, призванным обеспечивать гарантированные законами условия его жизнедеятельности, между членами семьи относительно распределения семейного бюджета, распоряжения общим имуществом и т.п. Именно из таких отношений-взаимодействий и состоят социальные системы разного уровня, от малой социальной группы до общества [9, с. 447–448, 453]. Таким образом, любую социальную систему можно определить как систему взаимодействий, простейшей составляющей которой является взаимодействие двух акторов¹.

Как общественный контекст и необходимая предпосылка действия акторов социальное взаимодействие представляет собой качественно иную и относительно автономную форму активности, имеющую свои детерминанты, предполагающую определенную ориентацию в ситуации, требующей соответствующей организации и регуляции.

Характерная особенность взаимодействия, как отмечалось, заключается в том, что оно реализует взаимную зависимость акторов в процессе достижения их целей. Так, уже упоминавшийся нами арендатор, не имея кроме собственной рабочей силы других средств производства, вынужден обратиться к арендодателю, чтобы тот предоставил ему свои, наделив правом их использования. В свою очередь, арендодатель, обладающий средствами производства, но по каким-то причинам не способный ими пользоваться лично, вынужден предоставлять их в аренду, требуя за это от арендатора часть произведенной продукции или ее денежный эквивалент, что позволит ему удовлетворить свои потребности.

Взаимозависимость акторов находит отражение в их интересах. В противовес потребности, отражающей нужду субъекта действия в объекте, необходимом для воспроизводства его жизнедеятельности, интерес отражает нужду субъекта в таком способе взаимодействия с другим субъектом, который бы гарантировал максимально возможное удовлетворение его потребности. То же самое можно сказать и об интересе другого субъекта, другой стороны взаимодействия. Следовательно, интересы взаимозависимых субъектов, в отличие от их потребностей, оказываются связанными между собой, более того — взаимозависимыми и контрарными. Так, интерес арендатора заключается в том, чтобы арендная плата была как можно меньшей, тогда как интерес арендодателя состоит в противоположном — чтобы она была как можно более высокой. То есть чем в большей мере во взаимодействии будет реализован интерес арендатора, тем в меньшей — арендодателя

¹ Социальное взаимодействие нужно отличать от взаимодействия людей в процессе труда, когда они выступают как рабочая сила — исполнители определенных технических функций, заданных технологией производства и непосредственно не связанных с удовлетворением их потребностей или интересов [10, с. 42]. Субъектов социального действия определяют потребности, субъектов социального взаимодействия — интересы.

и, наоборот, более полная реализация интереса арендодателя приведет к определенным ограничениям интереса арендатора¹.

В этих обстоятельствах вполне справедливо возникает вопрос: каким же образом субъекты взаимодействия в итоге приходят к согласию? Чтобы ответить на него, перейдем от уже рассмотренной ориентации одного актора к рассмотрению ориентации взаимодействующих акторов. Последний тип ориентации в теории действия получил название ценностного и отличается от мотивационного объектом и средствами ориентации. Если мотивационная ориентация относится к аспектам ориентации актора на ситуацию, связанным с актуальным или потенциальным удовлетворением потребностей, то ценностная ориентация связана с реализацией интересов и затрагивает другие аспекты ориентации актора — определенный набор норм, стандартов, правил, на основе которых осуществляются поиск, оценка и выбор модели взаимодействия, оптимальной с точки зрения согласования этих интересов [9, с. 468].

Исходным способом ценностной ориентации, как и в случае мотивационной ориентации, есть познавательный (когнитивный). Его суть заключается в установлении валидности определений ситуации субъектами взаимодействия на основе эталонов, которым они отдают предпочтение. Имеются в виду эталоны, идентифицирующие релевантность наблюдений и устанавливающие значимость отражаемых ими проблем; это касается и категорий языка, средствами которых эти наблюдения оцениваются как валидные.

Еще одной составляющей ценностной ориентации является оценочный способ. Он базируется на склонности субъектов взаимодействия к эталонам, с помощью которых оценивается пригодность к контексту разного рода объектов. Такие эталоны призваны служить правилами определения меры релевантности объекта ориентации (той или иной модели взаимодействия) удовлетворению потребностей.

И наконец, моральный способ ценностной ориентации. Его можно назвать обобщающим, поскольку он завершает ценностную ориентацию, опираясь на две предыдущие ее составляющие и определенным образом корректируя их в соответствии с нравственными эталонами. Благодаря этим эталонам появляется возможность оценивать последствия отдельных действий с учетом их влияния на всю систему взаимодействия и тем самым определять меру ответственности акторов за эти последствия [9, с. 469–470].

Более полное и разностороннее представление о механизме действия ценностной ориентации дает раскрытие функции и структуры ее основной составляющей — моральной нормы. Как разновидность социальных норм моральные нормы, существуя в форме обязательных для членов общества обобщенных, типизированных образцов поведения, определяют взаимо-

¹ Примерами такого рода взаимодействия и интересов в политической сфере могут быть взаимодействия оппозиционных партий с властью и между собой. Преследуя во взаимодействиях с властью контрарные интересы, оппозиционные партии, вступая во взаимодействие друг с другом, окажутся в той же самой ситуации контрарности, свидетельством чего являются трудности принятия общих решений, организации согласованных акций и т.п. То есть совпадение (сходство) интересов этих партий в их отношениях с властью не противоречит контрарности их отношений между собой, поскольку в ситуации взаимодействия каждый субъект пытается прежде всего обеспечить реализацию собственных интересов, что возможно только за счет возможностей реализации интересов другого субъекта.

действия между людьми [11, с. 597]. Указанные черты моральных норм в полной мере присущи другой разновидности социальных норм, а именно правовым нормам, которые тоже интерпретируются как общеобязательные правила поведения людей, регламентирующие отношения между ними [12, с. 368]. Сходство приведенных характеристик моральных и правовых норм дает, по нашему мнению, основания отнести последние, наряду с моральными нормами, к эталонам, на которые ориентируются субъекты взаимодействия, выбирая те или иные его конкретные формы¹.

Осуществляя одну и ту же функцию — регуляцию взаимодействия социальных субъектов, моральные и правовые нормы, тем не менее, реализуют ее по-разному. В значительной мере это обусловлено отличиями их структуры и механизма действия. По структуре правовые нормы состоят из трех частей: *гипотезы*, где изложены условия, при наличии которых субъекты права осуществляют данную норму; *диспозиции*, которая определяет взаимосвязанные права и обязанности участников правоотношений; *санкции*, где определены конкретные меры воздействия в случае невыполнения нормы [12, с. 368].

Моральная норма не имеет такой четко очерченной структуры. Условия ее реализации в ней не фиксируются, и в этом смысле моральное требование является универсальным, не связанным с заранее установленными ситуациями. Не содержит моральная норма и указаний относительно санкций, которые должны быть применены к нарушителям нормы.

Существенные различия правовых и моральных норм проявляются и в регламентации взаимодействия. В правовой норме она осуществляется путем определения прав и обязанностей субъектов взаимодействия, представляя таким образом их интересы. Причем взаимообусловленность интересов проявляется во взаимообусловленности прав и обязанностей субъектов: права (интересы) одного являются обязанностями другого, права (интересы) другого — обязанностями первого. Контрарность интересов, как отмечалось ранее, заключается в том, что они могут быть реализованы лишь за счет друг друга (ситуация с арендатором и арендодателем). Причем реализация интересов одной стороны взаимодействия возлагается на противоположную, то есть каждый участник взаимодействия находится в ситуации, когда он, чтобы обеспечить свой интерес (права), должен заботиться о чужом (обязанности), сознавая при этом, что тот может реализоваться лишь за счет собственного. В таких обстоятельствах и возникает необходимость во внешней регуляции, средствами и моделью которой является правовая норма с четко регламентированными правами и обязанностями (интересами) субъектов правовых отношений².

¹ Поводом для этого можно считать и то, что эти разновидности социальных норм дополняют друг друга, регламентируя взаимодействие с позиций должного (мораль) и законного (право) [13, с. 349–374].

² Интересы можно определить как возникающую из взаимной зависимости социальных субъектов нужду каждого из них в таком нормативно определенном способе взаимодействия, который и должен обеспечить (гарантировать) максимально возможное (оптимальное) в данной ситуации удовлетворение тех или иных потребностей. Если учитывать формы, в которых структурируется взаимодействие, то интерес можно интерпретировать как нужду социальных субъектов в нормативно определенном балансе их взаимо-

Функцию регуляции осуществляет и моральная норма. В ее основе — универсальный принцип морального равенства, предполагающий “взаимную эквивалентность” в поступках людей, равенство в их взаимных оценках [13, с. 314–315]. Благодаря этому моральная норма не имеет разделения на права и обязанности сторон взаимодействия, а содержит одно требование, обязательное для всех¹. Поэтому противоречия и столкновения интересов отражаются не в самой норме (они содержатся в ней имплицитно), а в практике ее выполнения. Суть противоречия заключается в усмотрении каждым субъектом взаимодействия своего интереса в выполнении морального требования другим, а не в собственном ее выполнении. Основой таких коллизий служит то, что соблюдение моральной нормы часто требует от субъекта жертв, которые он не всегда готов принести. Отсюда и необходимость во внешней моральной регуляции, которая может проявляться либо в моральной поддержке (положительные санкции), либо в моральном осуждении (негативные санкции) субъекта взаимодействия.

Проведенный анализ правовых и моральных норм — объектов ценностной ориентации субъектов взаимодействия — дает основания утверждать: ценностная ориентация является важным, но недостаточным условием регуляции взаимодействия, что и порождает необходимость регуляции внешней. Последняя же, как по своему происхождению (контрарность интересов социальных субъектов взаимодействия), так и по назначению (*согласование* взаимодействия с принятым в общности, обществе стандартом) является социальной², а значит, в отличие от саморегуляции, ориентированной на потребности субъекта действия, может рассматриваться как функция социального института. Приведенные выше утверждения относительно происхождения и общественного назначения внешней регуляции социального взаимодействия — это, по сути, генетическое и функциональное определения социального института, поскольку раскрывают его генезис и функцию. Согласно цели исследования они должны быть дополнены определением структурным. Его содержание детерминировано связью с предыдущими. Так, если функциональное определение института обусловлено генетическим определением и является его продолжением (контрарность интересов социальных субъектов порождает необходимость во внешней регуляции их взаимодействия), то структурное обусловлено функциональным в качестве его продолжения. То есть чтобы очертить структуру социального института, нужно ответить на вопрос: каким образом эта функция осуществляется?

Как уже констатировалось при рассмотрении понятия “регуляция”, этот процесс предполагает наличие норм, которые в случае внешней, социальной регуляции должны регламентировать способы социального взаимо-

обусловленных прав и обязанностей, призванном обеспечить удовлетворение потребностей. При этом следует иметь в виду, что интересы, также как права и обязанности, в которых они репрезентируются, взаимозависимы и контрарны.

1 Как таковое оно по своему смыслу одновременно выступает и как то, чего можно требовать (права), и как то, что нужно выполнять (обязанности).

2 Напомним, что понятие “социальный”, как синоним понятия “общественный”, представляет собой имплицитную характеристику взаимосвязи, взаимозависимости людей, непосредственно реализующихся в их взаимодействии [14, с. 24].

действия. Являясь нормативным компонентом социального института, нормы, в свою очередь, обуславливают присутствие в его структуре образований, контролирующих их выполнение¹. Характер таких образований, как и способ их действия, тесно связаны с характером самой нормы. Так, регуляция, опирающаяся на правовые нормы, осуществляется специализированными учреждениями, наделенными особыми прерогативами: отслеживать нарушения правовых норм, определять и назначать за это соответствующие санкции, обеспечивать их выполнение. Общность при этом влияет на своих членов опосредованно, через специализированные учреждения. Что же касается моральной регуляции, то способом ее реализации является общественное мнение. В сфере его действия каждый индивид равен другому представителю общности, выступает носителем и олицетворением общей нормы, ее исполнителем и проводником. Он, независимо от позиции, занимаемой в общности, может высказывать в личной форме от лица группы или даже общества нормативные требования ко всем другим и к себе самому, опираясь на совокупную волю общности. В этих условиях каждый член общества в зависимости от обстоятельств может оказаться либо в роли субъекта нормативных принципов и оценок, либо в роли объекта. То есть моральная регуляция не предполагает жесткого размежевания ее субъекта и объекта и не требует специализированных учреждений (организаций) для ее реализации, как в случае регуляции правовой [13, с. 264].

Отмечая различия между двумя видами социальной регуляции, которые играют роль критериев их размежевания на право и общественное мнение, следует иметь в виду, что организационное обеспечение правового института тоже не отличается однозначностью. Дело в том, что нормативный компонент правового института, который, кстати, может состоять из многих норм², как правило, не имеет за собой никакого четко определенного компонента организационного. Одна и та же судебная инстанция может “обслуживать”, быть компонентом множества институтов, контролируя выполнение их нормативных составляющих. С другой стороны, один и тот же институт в процессе его функционирования может включать в свой состав разные организации, как это, например, происходит в случае нарушения права человека на оплату его труда, отстаивание которого — обязанность не только профсоюза, но и суда и даже уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Таким образом, социальный институт, с точки зрения его структуры, представляет собой своеобразный “трансформер”, выбор организационной составляющей которого в значительной мере зависит от ситуации.

Подводя итог представленной в статье попытки комплексного определения социального института, выявления обстоятельств его генезиса, структуры и функций, можно констатировать следующее. Существуют две наиболее общие формы активности социальных субъектов: действие и взаимодействие, которые имеют разные источники детерминации, отличные способы организации и регуляции. В частности, действие детерминируется

¹ Развернутое определение структуры социального института см. в: [15, с. 6; 16, с. 17].

² Нормативный компонент такого социального института, как семья, которая регламентирует взаимодействия ее членов, охватывает более 200 статей [17].

потребностями, отражающими зависимость субъекта от объектов потребностей. Эта форма активности не выходит за пределы субъект-объектных отношений, в контексте которых ее организация и регуляция остаются компетенцией субъекта. Что касается взаимодействия социальных субъектов, то оно детерминируется их интересами. Последние, отражая взаимозависимость субъектов в обеспечении оптимальных условий удовлетворения их потребностей, побуждают их к взаимодействию. Контрарный характер интересов обуславливает необходимость его внешней (социальной) регуляции, нормативными средствами которой служат правовые и моральные нормы, а организационными — разного рода официальные учреждения и общественное мнение. Комбинация структурных элементов института (норм, учреждений или репрезентантов общественного мнения) зависит от интересов субъектов взаимодействия и особенностей ситуации, в которой оно происходит.

Приведенное определение социального института как единства его генетического, функционального и структурного определений, хотя и не претендует на полноту и не является исчерпывающим, по нашему мнению, дает представление о нем как целостном образовании и может быть полезным в дальнейшем развитии концепции социального института; в прикладных социологических исследованиях институциональной проблематики.

Литература

1. *Malikowski M.* Instytucja i instytucjonalizacja jako kategorie teoretyczne socjologii // *Studia socjologiczne*. — 1989. — № 1. — S.138–140.
2. *Hanson R.C.* Institutions // *Readings in Contemporary American Sociology*. — New Jersey, 1961.
3. Большая советская энциклопедия. — М., 1958. — Т.36.
4. *Пеньков Е.М.* Социальные нормы — регуляторы поведения личности. — М., 1972.
5. *Плетников Ю.К.* Теория общественных отношений: сущность и актуальные проблемы // *Социологические исследования*. — 1978. — № 2. — С. 21–32.
6. *Szczepanski J.* Elementarne pojęcia socjologii. — Warszawa, 1972.
7. Отношения политические // *Политология : Энциклопедический словарь*. — М., 1993.
8. Відносини релігійні // *Юридична енциклопедія*. — К., 1998. — Т. 1. — С.427.
9. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М., 2000.
10. Рабочий и инженер: факторы эффективности труда. — М., 1985.
11. Норми моральні // *Економічна енциклопедія*. — Тернопіль, 2001. — Т.2.
12. Норма права // *Большой юридический словарь*. — М., 2000.
13. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. — М., 1974.
14. *Волков Ю.В.* Базисные понятия и логика социологической парадигмы // *Социологические исследования*. — 1997. — № 1. — С. 22–33.
15. *Головаха Е., Панина Н.* Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2001. — № 4. — С. 5–22.
16. *Макеев С.* Социальные институты: классические толкования и современные подходы к изучению // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2003. — № 4. — С.5–20.
17. Сімейний Кодекс України // *Голос України*. — 2002. — 26 лютого (№ 38).